

АКАДЕМИЯ ГРЕХА

Финал Игры

Долго и Счастливо

«Игра окончена. Но наша история только начинается»

Григорьев Александр

#сборникновелл #эпилог #свадьбы #дети #горячиебонусы #долгоисчастливо

Григорьев Степанович

Финал Игры. Долго и счастливо

<https://litres.ru/74267973>

Аннотация

Меня, офицера разведки, внедрили в Академию наёмников. Моя цель — найти «крота». Инструктор Грэй, жестокий циник, с первого взгляда объявляет меня личным врагом. Он — властный хищник, я — его мишень. Но когда страсть взорвётся, правда станет смертельным оружием.

Содержание

Глава 1. Шахматная доска	4
Глава 2. В логове львов	8
Глава 3. Взгляд сквозь прицел	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1. Шахматная доска

Холод пробирается под кожу раньше, чем я успеваю понять, откуда дует. Не из форточки — в кабинете полковника Киреева окна заклеены наглухо. Скорее, изнутри. Из папки, которая лежит на столе. Из лица человека напротив.

— Лейтенант Вера Сергеевна, — голос полковника сухой, как песок на полигоне. — Вам выпала честь. Или смерть. Как посмотреть.

Я молчу. Не потому, что нечего сказать. Потому что слова сейчас — пуля, выпущенная наугад. Киреев не терпит пустозвонства. Два года в его отделе научили: отвечай только на вопросы. И то не на все.

— Академия наёмников A.L.M. Слышали?

— Так точно. Легендарное учебное заведение. Архитектор, Ворон, Зверь, Феникс, Архангел... — перечисляю, как по списку. Досье, которые мы вели, лежат у меня в голове, каждый шрам каждого из них.

— Теперь там новая глава. Архангел перекроил всё. Порядок, дисциплина, защита выпускников вместо продажи пуль. Но внутри завелась крыса. Двойной агент, позывной «Крот». Передаёт вражеской державе списки агентов, маршруты, имена семей. — Киреев пододвигает фотографию. Чёрно-белая, зернистая. Мужчина, которого я не узнаю. — Если «Крот» доберётся до полного архива, начнётся охота.

Сотни трупов по всему миру.

— Моя задача?

— Внедриться. Под видом гражданского специалиста-тактика. Легенда готова: Вера Соболева, уволена из Генштаба за конфликт, ищет лёгких денег. В Академии не любят таких, но берут — аналитики всегда нужны.

Я сглатываю. Горло пересохло.

— Сроки?

— Месяц. Два. Сколько потребуется. Но помните: каждый день задержки — чья-то жизнь.

Он замолкает. Тишина в кабинете такая плотная, что слышно, как за стеной капает вода из сломанного крана. Кап. Кап. Кап. Каждый звук — как обратный отсчёт.

— Мой куратор внутри?

— Инструктор Грэй. Позывной «Мясник». — Киреев достаёт второй снимок. Я вглядываюсь. Лицо, которое не забудешь: скулы, ломающие свет, глаза цвета выцветшей стали, шрам над бровью — как трещина на фарфоре. — Он не знает о миссии. Никто не знает. Даже Архангел. Если «Крот» в Совете — мы не рискуем.

— А если Грэй сам «Крот»?

— Тогда вы умрёте. Быстро, надеюсь. — Киреев не улыбается. Он никогда не шутит.

Я беру папку. Вес — полкило, не больше. Но руки будто тянут тонну.

— Легенда?

— Вам изменяют внешность. Инъекции в радужку, временная пластика скул. Свои документы — в сейф. Новое имя, новая кровь. — Он протягивает пластиковую карту. — Завтра в восемь ноль-ноль выезд. У вас есть сутки, чтобы попрощаться с жизнью.

— Я готова сейчас.

— Знаю. Потому и выбрал вас.

Я выхожу из кабинета. Коридор штаба пахнет дешёвым табаком и старым деревом — запахом, который преследует меня всю карьеру. Подошвы ботинок скользят по кафелю. Иду в медблок — там меня ждёт техник с иглой.

Четыре часа в кресле. Боль тупая, ноющая — игла в глазное яблоко, нити под кожу скул, плёнка на зубы. Я не вскрикнула ни разу. Техник похвалил: «Крепкая». Я не ответила. Крепость — не то, что нужно в разведке. Нужна пластичность. Умение стать другой. Я становлюсь.

В зеркале — чужая. Серо-зелёные глаза стали карими, скулы тоньше, губы пухлее. Я трогаю лицо — моё ли? — и чувствую только онемение. Хорошо. Чужая не боится. Чужая врёт легко.

В комнате общежития, где я ночую в последний раз, раскладываю вещи. Тактическая форма без знаков различия, блокнот, флешка с легендой. Под подкладкой — глушитель. Маленький, почти игрушечный. Киреев сказал: «На всякий случай». Я знаю: этот случай наступит.

Сажусь на край кровати. Ладонь ложится на холодную

простыню. В голове — шахматная доска. Белые фигуры — мои. Чёрные — те, кто попытается меня убить. Посередине — «Крот». Невидимка.

Первый ход: въезд в Академию. Второй ход: встреча с Грэм. Третий... третий будет за ним. Животное, которое чувствует страх за километр. Я читала его досье. «Мясник» — не кличка, судьба. Он прошёл через ад, где ломаются лучшие. Выжил. Затаился. Теперь он инструктор, но взгляд остался прежним — как у волка, который видит в тебе кусок мяса.

Я закрываю глаза. Пульс ровный. Дыхание спокойное. Медитация, которой учили в академии.

— Ты сможешь, — шепчу себе. — Ты не просто шпион. Ты — шахматист. А шахматы — это игра холодного ума.

За окном темнеет. Я не сплю. Думаю о матери. Она не знает, где я. Думаю о мужчине, который ждал меня три года — я оставила его без объяснений. Думаю о том, что, если выживу, буду ли я прежней.

Телефон пищит. Сообщение от Киреева: «Машина в 6:00. Не опаздывайте».

Я не опоздаю. Я не имею права.

Шахматная доска ждёт. Фигуры расставлены. Я делаю первый шаг — в пустоту.

Глава 2. В логове львов

Машина глохнет. Тишина наваливается так резко, что закладывает уши. Я сижу, сжимая ремень безопасности, и смотрю на серую стену перед глазами. Ворота. Два створки из рифлёного металла, потемневшего от времени. Они не открываются — ждут, пока я сделаю первый шаг.

Водитель, молодой парень с равнодушным лицом, кивает на дверь:

— Приехали. Дальше пешком.

— Спасибо, что подбросили.

— Не благодарите. Я просто выполняю приказ.

Он уезжает. Гравий хрустит под шинами, потом тишина возвращается. И я остаюсь одна. Перед Академией, которую в разведшколе называли «мясорубкой». Правда, теперь её переименовали. Говорят, Архангел навёл порядок. Но запахи старых смертей не выветриваются за пару лет.

Я иду вперёд. Ворота открываются сами — со звуком, похожим на выдох умирающего зверя. За ними — плац. Ровный бетон, размеченный белыми полосами. По периметру — тренажёры, свежеевыкрашенные, без единой царапины. Порядок. Дисциплина. Всё блестит.

Но я чувствую другое.

Под этим блеском — слои. Как геологический срез. Запах старого бетона и машинного масла вьелся в поры, в швы

между плитами, в вентиляционные решётки, откуда тянет холодом подземелья. Здесь когда-то было по-другому. Здесь били, ломали, убивали. И что-то осталось. То, что нельзя выжечь даже реформами.

Я делаю шаг. Второй. Третий.

— Стоять.

Голос. Низкий, с хрипотцой — как если бы человек не пользовался им днями, а потом резко выдохнул слово. Я замираю. Даже не по своей воле — мышцы реагируют быстрее мозга.

Он выходит из тени ангара. Шагает бесшумно, будто земля под его ногами становится мягче. Хищник. Крупный — я знала это по досье, но вживую масштаб пугает иначе. Ширина плеч, которая не помещается в дверные проёмы. Руки, висящие вдоль тела, но готовые в любой момент сомкнуться на чужой шее.

Останавливается в трёх метрах. Не подходит ближе. Смотрит. Сверху вниз — я ниже почти на голову, даже в тактических ботинках. Глаза — как у снайпера перед выстрелом. Ни тепла, ни интереса. Только расчёт.

Грэй.

— Вера Соболева? — спрашивает. Не утверждает, не здорывается.

— Так точно, — отвечаю. Голос ровный. Пульс — семьдесят два. Контроль.

Он хмыкает. Коротко, без интонации. Наклоняет голову

— чуть вправо, как собака перед броском.

— Здесь не армия. Здесь — Академия. Говорят «инструктор» или «по кличке». Ясно?

— Так точ... — осекаюсь. Его взгляд становится тяжелее.
— Ясно, инструктор.

Он молчит. Секунду. Две. Пять. Испытывает. Смотрит, не отведу ли глаза, не покажу ли неуверенность. Не дождётся.

— Следуй за мной, — бросает и разворачивается.

Мы идём через плац. Грэй не оглядывается — ему не нужно убеждаться, что я рядом. Или ему всё равно. Шаги гулко отдаются от бетона. Где-то вдалеке — ритмичный стук: тренировочный бой. Глухие удары по матам, сбитое дыхание, хриплые команды. Суровые тренировки. Здесь ничего не отменили.

— Слышишь? — он вдруг останавливается, и я едва не врезаюсь в его спину.

— Удары. Спарринг.

— Не угадала. — Поворачивается боком, смотрит куда-то вдаль. — Слышишь паузы между ударами? Там, где никто не дышит? Вот это — Академия. Остальное — декорации.

Я слушаю. Он прав. Между глухими «бум-бум» — провалы тишины. Секунды, когда воздух задерживается в чужих лёгких. Когда тот, кто получает удар, решает: встать или остаться.

— Тактик, значит, — Грэй смотрит на мою нашивку. — Аналитика.

— Так точно.

— Сколько боев за плечами?

— Одиннадцать. Учебных.

— Учебных, — повторяет, как пробует слово на вкус. —

Не считается. Здесь тебя будут бить. Каждый день. Ты будешь падать. Я не буду помогать вставать. Это понятно?

— Абсолютно.

— Хорошо. — Он делает паузу. В воздухе — запах стали и скрытой угрозы. — Потому что, Вера, у меня нюх на фальшь. Ты не похожа на гражданского аналитика.

Сердце пропускает удар. Но лицо — маска.

— А на кого я похожа, инструктор?

Он приближается. Один шаг. Второй. Теперь между нами полметра — я чувствую жар его тела, смешанный с холодом металла от пряжки ремня. Запах — кожа, порох, мужской пот без дезодорантов. Он смотрит в мои карие глаза — чужие, линзовые — и будто видит под ними мои настоящие.

— На проблему, — выдыхает почти шёпотом. — А я проблемы решаю.

Отступает. Плавно, как змея, уползающая после броска. Жестом указывает на длинное здание со стеклянными дверями.

— Там — твоя комната. Расписание на стене. Первое занятие завтра в шесть утра. Не опаздывай.

— А вы, инструктор? — вырывается раньше, чем я понимаю.

— Что — я?

— Вы будете меня тренировать?

Грэй улыбается. Это страшно — потому что в улыбке нет тепла. Только оскал.

— Я буду ломать. Тренируют другие.

Он уходит. Бесшумно. Я смотрю ему в спину — широкая, напряжённая, под тканью формы угадываются мышцы, которые наработаны не в тренажёрке. Они выкованы там, где ошибка стоит жизни.

Я поворачиваюсь к стеклянной двери. В отражении — чужая женщина с чужими глазами. Внутри — сердце, которое колотится так, что, кажется, его слышат камеры на столбах.

Шахматная доска ждёт второго хода.

Он сделан. И фигуры уже не откатить назад.

Я вхожу в здание. В коридоре пахнет хлоркой и старой краской. На стене — расписание. Рукопашный бой, стрельба, тактика, физподготовка. Ни одного свободного окна.

Грэй не будет меня тренировать, но будет наблюдать. Каждый шаг, каждый вздох. Он уже решил, что я фальшивка. И он прав.

Но он не знает главного.

Я не просто фальшивка. Я — охотник. А он — лишь приманка.

Или цель.

Время покажет.

Глава 3. Взгляд сквозь прицел

Шесть утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.